

УДК 342

DOI: 10.17223/22253513/36/2

Н.А. Боброва

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОДНА ИЛИ ДВЕ ОТРАСЛИ ПРАВА?¹

Используются исторический, сравнительный и другие аналитические методы для исследования единства и различий в наименовании отрасли как конституционного и как государственного права. Оба наименования имеют свои плюсы и предпочтения, в связи с чем проблема наименования отрасли и ее предмета имеет вечную актуальность. Рассматриваются три основных позиции ученых по вопросу о соотношении конституционно-правовых и государственно-правовых отношений. Раскрываются особенности общественных отношений, составляющих предмет конституционного права, их политический характер, неразрывная связь с государственной властью. Доказываются ущербность и бесперспективность деления данной отрасли на две самостоятельные отрасли – конституционное и государственное право.

Ключевые слова: предмет конституционного права, власть, политика, конституционные отношения, метаотрасль.

Введение

Дискуссии являются двигателем науки, и автор настоящей статьи, помимо прочего, дискутирует с некоторыми положениями одной из интереснейших статей, опубликованных в «Вестнике Томского государственного университета. Право» [1].

О.Е. Кутафин отмечал, что различные взгляды на специфику конституционно-правовых отношений «в той или иной мере вносят позитивный вклад в исследование рассматриваемого вопроса» [2. С. 308]. Он писал также, что наука конституционного права при советской власти не существовала как самостоятельная, а входила в состав единой науки «советское государственное право» [Там же. С. 15]. Первым ученым, защитившим докторскую диссертацию и опубликовавшим монографию о государственно-правовых отношениях, был В.С. Основин [3]. С тех пор изменились и название отрасли права, и содержание общественных отношений, образующих ее предмет.

По мнению Е.В. Лунгу, «в науке конституционного права комплексного знания о конституционных правоотношениях не выработано», равно как «не определено соотношение... государственно-правовых отношений и конституционных правоотношений» [1. С. 89].

Можно сформулировать и классифицировать несколько взглядов ученых на соотношение государственно-правовых и конституционных отно-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05003.

шений, условно назовем их концепциями соотношения конституционных и государственно-правовых отношений.

Первая (классическая) концепция заключается в том, что это полностью или в основном совпадающие понятия, разница лишь в расставляемых акцентах: одни ученые делают акцент на базисном, основополагающем слое «двухслойного пирога» конституционно-правовых отношений, образующих предмет данной отрасли и, как правило, закрепляемых в Основном законе (стремление к конституционным идеям, идеалам, принципам предполагает название «конституционное право»); другие же исследователи акцентируют отношения по поводу формирования и функционирования государственной власти, а поскольку субъектом властеотношений обязательно является государство, его органы и должностные лица, вполне логичным является и название «государственное право». Таким образом, даже внутри одной концепции наблюдается разное акцентирование: одни считают более правильным наименование отрасли как конституционного права, другие – как государственного права, третьи именуют отрасль компромиссно: конституционное (государственное) право. В целом же первое направление исходит из тождественности наименований единой и неделимой отрасли.

Иными словами, классический взгляд на предмет этой отрасли исходит из совпадения понятий государственно-правовых и конституционно-правовых отношений.

Вторая концепция исходит из идеи рассмотрения и конструирования конституционного права как базы, основы, каркаса, некоего ядра всей национальной правовой системы, т.е. это отрасль, которая призвана конституционализировать все отрасли российского права. Функция конституционализации придает данной отрасли характер метаотрасли [4]. Согласно этой концепции функцию метаотрасли выполняют не все конституционные (государственно-правовые) отношения, а только базисные по содержанию и получившие «конституционную прописку» по форме. Поскольку предмет государственно-правовых отношений шире предмета конституции, постольку конституционные отношения являются частью, ядром государственно-правовых отношений, развиваемых за рамками конституции, но лишь в качестве ее продолжения, на что может указывать и сама конституция, обязывая государство принять соответствующие федеральные конституционные законы. В этом смысле все государственно-правовые отношения являются конституционными. Да и «рядовые» государственно-правовые отношения, например в сфере выборов или деятельности парламента, тоже влияют на все остальные отрасли, ибо с их помощью формируется власть, и она же определяет законодательный процесс, а следовательно, предопределяет истоки и характер всех других отраслей, всего права.

Третью концепцию, относительно новую, парадоксальную, представляют конституционалисты, которые исходят из разделения конституционных и государственно-правовых отношений на две самостоятельные сфе-

ры. С их точки зрения, конституционное право и государственное право – это две разные отрасли права, две автономные науки. Получается, что ученые, представляющие первую науку, являются конституционалистами, а ученые, представляющие вторую науку, являются государствоведами.

Верна ли третья концепция и в чем ее ущербность?

Некоторые ученые идею разделения предмета конституционного (государственного) права на две самостоятельные отрасли права усмотрели в вышеприведенном высказывании О.Е. Кутафина. Но если внимательно прочесть это высказывание, то оно прозвучало как бы вскользь и, нетрудно заметить, совсем в другом контексте и в ином смысле, нежели в том смысле, который пытаются ныне приписать Олегу Емельяновичу, якобы впервые написавшему о разделении конституционного и государственного права на две отрасли.

Цитируя высказывание О.Е. Кутафина, Е.В. Лунгу нашла в нем опору для обоснования концепции деления единой отрасли на две самостоятельные отрасли. Евгения Владимировна пишет: «Как в свое время конституционное право выделилось из государственного права, так и конституционные правоотношения необходимо разграничить с государственно-правовыми отношениями» [1. С. 93]. Она еще раз озвучила известный тезис, согласно которому «к идеям построения конституционных правоотношений в России вернулись в начале 90-х гг. XX в., что связано с изменениями в политической жизни России, признанием ценностей правового государства, демократическими процессами. Именно в эти годы на смену государственно-правовым отношениям приходят конституционные правоотношения. В работах постсоветского периода конституционные правоотношения рассматривались как логичное продолжение государственно-правовых отношений» [Там же. С. 89–90].

Некоторые ученые считают, что с изменением целей конституционно-правового регулирования «из науки, обслуживающей российский тоталитаризм, конституционное право переросло в науку, направленную на построение правового государства» [5. С. 66]. Этот же тезис практически дословно излагает Е.В. Лунгу [1. С. 92]. На наш взгляд, само понятие «тоталитаризм» придумано либералами периода перестройки и давно стало пропагандистским штампом, неким «общим местом» идеологических споров.

Не хотелось бы сильно критиковать автора солидного издания, но все же, на наш взгляд, цитируемый абзац состоит из набора неверных посылов и привычных штампов, характерных, впрочем, для многих современных работ. Например, тезис о ценностях правового государства и демократических процессах является настолько типичным, что так и хочется сказать: «Призрак бродит по Европе... призрак правового государства».

В нескольких местах своей весьма интересной статьи Е.В. Лунгу подчеркивает, что конституционные и государственно-правовые отношения

различаются целями, при этом целью конституционных отношений является построение правового государства, в то время как цель государственно-правовых отношений сводится к государственному строительству [1. С. 92, 94]. Получается парадокс, к которому Е.В. Лунгу отнюдь не стремилась, но, по сути, она считает, что государственно-правовые отношения не нацелены на построение правового государства. Однако с тезисом о том, что только конституционные отношения нацелены на этот идеал, вряд ли согласятся другие конституционалисты и представители иных отраслей права.

Следующий тезис, согласно которому «на смену государственно-правовым отношениям приходят конституционные правоотношения», тоже является не совсем верным, не говоря уже о том, что, по мнению Е.В. Лунгу, при советской власти писаная конституция была, но конституционных отношений вообще не было.

В чем сущность писаной Конституции?

Начнем с того, что сущность конституции состоит не только и не столько в привлекательных принципах и даже не в правах личности (все это – демократический декор, хотя и важный для содержания конституции), сколько в устройстве, механизме власти. А устройство власти соответствует тому соотношению сил, которое сложилось на момент принятия конституции. Еще Ф. Лассаль подчеркивал, что сущность конституции заключается не в вопросах права, а в вопросах силы. Другими словами, сущность конституции заключается в том соотношении сил, которое она закрепляет, т.е. опять же в устройстве власти, ее формировании и функционировании. А что такое устройство власти? Это и есть те самые государственно-правовые отношения, которые некоторые ученые пытаются вывести за рамки конституционных отношений, обосновывая автономность тех и других, а в результате приходят к выводу о наличии двух отдельных, самостоятельных отраслей права – конституционного и государственного.

Эта идея сродни вопросу о том, как отделить воду, влившуюся из Волги в Каспийское море, от Каспийского моря. Если кому-то хочется «выпить море», то это можно сделать только способом, предложенным Эзопом, т.е. способом отделения от моря влившихся в него рек.

Отделить государственно-правовые отношения от конституционных – то же самое, что вывести сущность предмета за пределы самого предмета. Любому же понятно, что без сущности предмета нет и его самого. Уберите из Конституции РФ главы об устройстве власти (гл. 3 «Федеративное устройство», гл. 4 «Президент Российской Федерации», гл. 5 «Федеральное Собрание», гл. 6 «Правительство Российской Федерации», гл. 7 «Судебная власть и прокуратура») – и от Конституции не останется ничего, кроме декларативных принципов, дефиниций, программных положений и декларированных норм о правах человека. Небезынтересно отметить, что в де-голлеуской Конституции Франции 1958 г. вообще не было главы о правах

личности (была лишь ссылка на соответствующий раздел предыдущей Конституции Франции 1946 г.), но от этого Конституция Франции 1958 г. не перестала быть конституцией, равно как и не отменяла конституционного строя. Просто этот конституционный строй был авторитарным, закрепившим соотношение сил в пользу президента Франции, т.е. то соотношение сил, которое сложилось на момент наивысшего взлета популярности генерала де Голля и вынесения на референдум выгодной ему Конституции.

Возникновение конституционного строя в России некоторые авторы почему-то связывают исключительно с принятием Конституции 1993 г. Между тем сначала конституционный строй был уничтожен в результате Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 г.: деятельность Съезда и Верховного Совета РФ была приостановлена, а действовавшая Конституция РФ – фактически отменена, ибо объявлялось верховенство указов Президента РФ, а сам Б.Н. Ельцин после достижения своей главной цели – смещения М.С. Горбачева путем «многоходовки», закончившейся Беловежским соглашением «О денонсации Договора о создании Союза Советских Социалистических Республик», – в кругу своих бывших соратников, в одночасье ставших слугами, называл себя царем [6. С. 387]. А какой может быть конституционный строй после расстрела собственного парламента? Напомним, что критерием конституционного строя является наличие представительного органа народа: если парламент есть, то есть и конституционный строй; если парламент слабый (несамостоятельный, с ограниченными полномочиями), то это одно из свидетельств слабости конституционного строя. Иными словами, Конституцию РФ 1993 г. вряд ли можно считать торжеством демократии, ибо она принималась в условиях полного отсутствия конституционного строя. Она принималась «под Ельцина», ибо победителем был он.

Согласно Е.В. Лунгу, «в работах постсоветского периода конституционные правоотношения рассматривались как логичное продолжение государственно-правовых отношений» [1. С. 91], в то время как, по ее мнению, к конституционным принадлежат отношения, связанные с личностью и обществом, а к государственно-правовым – отношения, связанные с государством [Там же. С. 92, 94]. Между тем эти отношения неразрывно переплетены, являются и началом, и следствием, и продолжением друг друга. В сущностном и содержательном смысле оторвать государственно-правовые отношения от конституционных (и наоборот) просто невозможно.

В попытке разделить конституционные и государственно-правовые отношения закралась, на наш взгляд, неверная методологическая установка, исходящая из смешения деклараций и конституций. Исторически декларации принимаются на пике революций, когда еще неясно, кто победит (Декларация о независимости США 1776 г., Французская декларация о правах человека и гражданина 1789 г., Декларация о суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., Декларация о правах и свободах человека и гражданина СССР 1991 г., Декларация о правах и свободах человека и гражданина

РСФСР 1991 г.), а конституции принимаются уже победителями с целью фиксации результатов победы и закрепления созданного конституционно-го строя на долгие-долгие времена. При этом тексты деклараций могут полностью или частично войти в текст конституции (Декларация о правах и свободах человека и гражданина РСФСР 1991 г. составила содержание гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина»), а могут и не войти. И когда студенты на вопрос: «В чем сущность конституции?» – отвечают, что сущность конституции состоит в правах и свободах личности, это демонстрирует смешение понятий содержания и сущности конституции.

Ведь если главное в конституционных отношениях – это права и свободы личности, то зачем же тогда Б.Н. Ельцину потребовалась новая конституция? Декларация-то о правах и свободах уже была принята. Шкатулка просто открывалась. Власть интересуют не чьи-то права (с их помощью власть лишь привлекает людей на свою сторону), а именно собственное всевластие, его закрепление, воспроизводство и сохранение. Вот и вся азбука конституционализма, которая весьма отличается от азбуки деклараций. С помощью деклараций и лозунгов народ зовут на баррикады, а когда добиваются победы, главной задачей становится отстранение народной массы от пользования плодами этой победы. Так было, так есть, так будет. Конституции всегда закрепляют то устройство власти, те государственно-правовые отношения (они же – конституционные в силу конституционного закрепления), которые выгодны победителям. В октябре 1993 г. победил Ельцин. И никакой другой конституции, кроме как конституции «царя Бориса», быть не могло.

Дело еще и в том, что закрепленный в Конституции механизм власти выгоден и удобен любому последующему президенту, и ни один президент по собственной воле такой механизм власти менять не будет, разве только в направлении еще большего «закручивания гаек», благо сама Конституция позволяет это делать. Почему? Потому что Президент РФ – первый субъект права законодательной инициативы, он же практически единолично формирует основные направления внутренней и внешней политики, он же формирует кадровый состав не только исполнительной власти, но и всей прокуратуры и судебной системы, кроме мировых судей, а также обладает множеством других названных в Конституции и «скрытых» полномочий. Администрация Президента держит под жестким контролем состав кандидатов от ЕР в Госдуму, там же формируется программа идеологической обработки населения и вырабатываются ювелирные изменения избирательного, информационного и иного законодательства с целью недопущения к власти реальной (внесистемной) оппозиции. Надо сказать, что все это делается, причем искусно, не выходя за рамки конституционных норм, благо конституционные «рамки» для власти весьма широки, а для гражданского общества и личности – довольно жестко очерчены.

Для эффективного осуществления названных целей любому государству нужны и мифы, и идеалы, и мировоззренческие штампы, которые

проникают и в политику, и в культуру, и в журналистику, и даже в социальные науки [7], тем более в науку государственного (конституционного) права, одной из функций которой, наряду с критической и прогностической, является апология действующей конституции и существующего правопорядка [8].

Слова Е.В. Лунгу, согласно которым конституционные правоотношения «отражают устройство общества как целостного организма, тогда как все другие правоотношения реализуются в какой-либо одной сфере государственного воздействия на общественные отношения» [1. С. 96], звучат, как музыка, но у этой музыки есть дирижер – государство. Устройство общества регулируется и контролируется государством. Конституция в смысле устройства общества скорее атомизирует общество (частная собственность стоит на первом месте, причем на землю, недра, природные богатства; государственная идеология отрицается и т.д.), нежели цементирует его в нечто цельное и способное противостоять проявлениям государственного произвола.

Характерным признаком конституционных отношений, в отличие от государственно-правовых, некоторые авторы называют также то обстоятельство, что они, конституционные отношения, «получают судебную защиту со стороны органа конституционной юстиции» [5. С. 12]. Это сомнительный тезис, ибо граждане обращаются в Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ за защитой прав самой разной отраслевой принадлежности.

Никак не обоснован тезис, согласно которому отличительным признаком конституционно-правовых отношений является их высокий политический потенциал, в отличие от государственно-правовых отношений [1. С. 94]. Между тем В.О. Лучин [9. С. 111–113], на которого ссылается цитируемый автор, а также С.А. Авакьян [10. С. 7], Н.А. Боброва [11. С. 65, 73–75], Н.С. Бондарь [12], В.Н. Карташов [13], Е.И. Козлова [14], М.А. Кондратьева [15], Р.А. Ромашов [16] и другие конституционалисты говорят о политическом характере конституционно-правовых отношений не в отличие от государственно-правовых отношений, а в качестве их разновидности, в качестве их иного наименования. Государственно-правовые отношения есть, по сути, юридическая оболочка, юридическая форма политики. Это сама политика, которая кристаллизуется в государственно-правовых отношениях, приобретая в них цивилизованный вид. Всякое оформление власти правовыми нормами есть в той или иной мере ограничение государственного произвола и свободного (ничем не ограниченного) усмотрения государственных органов и должностных лиц.

Власть – вот основной вопрос политики, поэтому все государственно-правовые отношения по определению обладают высоким политическим потенциалом. А.А. Югов прямо называет конституционные отношения кратологическими отношениями от слова «crates» – власть [17]. И такой взгляд на конституционные отношения представляется наиболее конструктивным и здравым. Такой подход цементирует понятия «власть», «полити-

ка», «конституция» в единое целое, не позволяя дробить единый, хотя и многослойный и сложный, предмет конституционного права на эклектичные части, одни из которых имеют отношение к политике, а другие – нет.

Так, высоким политическим потенциалом обладают все избирательные правоотношения, хотя в Конституции РФ, в отличие от Конституции СССР, нет главы «Избирательная система», а избирательные законы не имеют даже статуса конституционных законов, они принимаются, как обычные законы, т.е. не квалифицированным, а простым большинством голосов, что власти очень удобно, ведь к каждому новым выборам можно легко менять «правила игры». Иными словами, избирательные отношения – каучуковый инструмент политики, и то обстоятельство, что они не имеют «конституционной прописки», вовсе не превращает их в такие правоотношения, которые обладают меньшим политическим потенциалом, чем конституционные правоотношения. Более того, избирательные правоотношения являются конституционными и политическими по своей сути: они есть юридическая оболочка политики.

Другие выдвигаемые отличия конституционно-правовых и государственно-правовых отношений, увы, тоже ошибочны. Например, конституционные отношения по поводу прав человека, по мнению Е.В. Лунгу, «призваны ограничить государственную волю» [1. С. 94], как будто четкая регламентация компетенции органов власти эту самую волю не ограничивает. И это еще вопрос, что именно больше ограничивает власть: декларации о правах человека или нормы о компетенции государственных органов и должностных лиц, их ответственности за нарушение компетенции (волокиту, бездействие, превышение полномочий и т.д.). И потом, какая конкретно государственная воля имеется в виду? Воля как произвол? В таком случае надо называть вещи своими именами, говоря именно о государственном произволе, а не о государственной воле. Иной раз люди жаждут этой самой государственной воли, миллионами шлют вопросы на «Прямую линию» с Президентом РФ. В обществе буквально витает социальный запрос на государственную волю и даже на «сильную руку».

Двуединая природа конституционного (государственного) права

Двойственную и двуединую природу государственного (конституционного) права подчеркивали еще дореволюционные ученые конца XIX – начала XX в., и уже тогда учебники назывались по-разному. Это были в основном учебники по государственному праву, например учебники А.С. Алексеева «Русское государственное право» [18], А.Д. Градовского «Общее государственное право» [19], Н.М. Коркунова «Русское государственное право» [20], В.Н. Чичерина «Курс государственной науки» [21] и др. Обращают на себя внимание «Лекции по общему государственному праву» Ф.Ф. Кокошкина [22], а которых лекциях излагались общие начала государственного права всех стран. По сути, после отмены учебных курсов зарубежного государственного (конституционного) права мы

пришли к тому же варианту: есть общие начала государственного права всех стран, а затем идет государственное право национальной правовой системы.

Из 28 дореволюционных учебников и курсов лекций по этой отрасли права только пять назывались конституционным правом, например учебники В.М. Гессена «Основы конституционного права» [23], В. Орландо «Принципы конституционного права» [24], А. Эсмена «Основные начала конституционного права» [25]. Обращают на себя внимание учебники Н.И. Лазаревского «Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право» [26] и Л. Дюги «Конституционное право. Общая теория государства» [27]. В них со всей очевидностью конституционное право предстает не как самостоятельная отрасль, а как первая часть государственного права; в свою очередь, конституционное право мыслится как общая теория государства. Иными словами, конституционные и государственно-правовые отношения составляют двуединый предмет конституционного (государственного) права, как две стороны одной медали.

В советские времена В.Ф. Коток первым из государствоведов назвал предметом этой отрасли конституционные отношения, а саму отрасль предложил именовать конституционным правом [28]. Ленинградская научная школа даже в советские времена выпускала учебники под названием «Конституционное право» [29].

Но структура этих учебников была примерно одинаковой, поэтому несколько упрощенным является взгляд некоторых ученых, согласно которому конституционное право выделилось из государственного и, мол, «как в свое время конституционное право выделилось из государственного права, так и конституционные правоотношения необходимо разграничить с государственно-правовыми отношениями» [1. С. 94].

Двойственную природу государственного (конституционного) права всегда подчеркивали ученые, участвовавшие в перманентных дискуссиях о природе и названии этой отрасли права (дискуссия революционного периода, дискуссия 1930-х гг., связанная с принятием Конституции СССР 1936 г., дискуссия 1960–1970-х гг., связанная с периодом хрущевской «оттепели», дискуссия, связанная с разработкой и принятием последней советской конституции – Конституции СССР 1977 г., наконец, дискуссия периода перестройки, краха советской власти и принятия Конституции РФ 1993 г., в результате чего название «конституционное право» на всем российском и постсоветском пространстве стало доминирующим, равно как и в названии соответствующих кафедр слово «государственное» в подавляющем большинстве было заменено на слово «конституционное»).

Некоторые выводы

Итак, попытки некоторых ученых-конституционалистов разделить предмет отрасли на две разные группы и доказать существование двух автономных отраслей права – конституционного и государственного, заго-

няют самих этих ученых в логический и смысловой тупик, особенно когда они пытаются противопоставить эти отрасли друг другу, подчеркнуть развитие исключительно конституционного права, причем исключительно в результате принятия Конституции РФ 1993 г.

Несомненно, конституционное право шагнуло вперед в вопросах понимания роли конституционных норм в регулировании общественных отношений, расширились границы конституционно-правового регулирования за счет возвышения до конституционного уровня целого ряда общественных отношений [30. С. 3–7]. Но ведь и государственно-правовые отношения и нормы, регулирующие деятельность государства, тоже не стояли на месте, развивались. Это взаимопроникающий процесс, обусловленный в том числе тем, что конституционное (государственное) право имеет двойственную и двухуровневую природу, и оба уровня имеют ярко выраженный политический характер. Особенность общественных отношений, составляющих предмет конституционного права, состоит в их неразрывной связи с государственной властью. Попытки разделить конституционное право на две самостоятельные отрасли – конституционное и государственное право – являются методологически ошибочными, теоретически ущербными и практически бесперспективными.

Конституционные и государственно-правовые отношения, на наш взгляд, следует не разграничивать, а подчеркивать двойственную и двуединую природу этой отрасли права.

Литература

1. Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения в науке конституционного права Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 89–96.
2. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001. 364 с.
3. Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М. : Юрид. лит., 1965. 282 с.
4. Боброва Н.А. Особенности предмета конституционного права как метаотрасли // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 3–9.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 784 с.
6. Вошанов П. Ельцин как наваждение. Откровения политического проходимца. М. : Агоритм, 2017. 416 с.
7. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–42.
8. Боброва Н.А. Критическая и апологетическая функции конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : междунар. конф. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 44–47.
9. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1997. 160 с.
10. Авакьян В.О. Властеотношения: закономерности существования, субъективизм регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 3–9.

11. Боброва Н.А. Конституционные правоотношения // Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции / под ред. Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 63–89.

12. Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 3–10.

13. Карташов В.Н. Инновационные и традиционные подходы к исследованию конституционных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 3–9.

14. Козлова Е.И. К вопросу о предмете конституционного права Российской Федерации: современный формат дискуссии // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения) : материалы Междунар. конф. М. : Элит, 2009. С. 17–23.

15. Кондратьева М.А. Правовое и политическое регулирование в конституционном праве: некоторые проблемы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 6–9.

16. Ромашов Р.А. Соотношение понятий «конституционное право» и «государственное право» в контексте правовых позиций Запада и России // Актуальные проблемы публичного права в Германии и России / отв. ред. Е.И. Козлова, В.И. Фадеев. М. : Элит, 2011. С. 177–181.

17. Югов А.А. Конституционное (кратологическое) право России как право публично-властных отношений // Проблемы конституционного и муниципального права / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург : Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та. 2015. Ч. 2. С. 4–20.

18. Алексеева А.С. Русское государственное право : конспект лекций. 4-е изд. М. Москва : Тип. О-ва распространения полезных кн., 1897. 583 с.

19. Градовский А.Д. Общее государственное право : лекции проф. А.Д. Градовского : 1885 г. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1885. 384 с.

20. Коркунов Н.М. Русское государственное право : в 2 т. СПб. : кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга б. Мелье и К°, 1892. Т.1: Введение и общая часть. [2], 402 с.

21. Чичерин В.Н. Курс государственной науки. М. : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. Ч. 1: Общее государственное право. VIII, 482, III–IV с.

22. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. М. : Бр. Башмаковы, 1912. V, [3], 306 с.

23. Гессен В.М. Основы конституционного права. Петроград : юрид. кн. скл. «Право», 1917. VIII, 439, [5] с.

24. Орландо В. Принципы конституционного права. М. : В.М. Саблин, 1907. VIII, 299 с.

25. Эсмен А. Основные начала конституционного права. СПб. : О.Н. Попова, 1898. VI, 357 с.

26. Лазаревский Н.И. Русское государственное право 3-е изд. СПб. : Кн. маг. «Право», 1913. Т. 1: Конституционное право. VIII, 672 с.

27. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. XL, 957 с. (Библиотека для самообразования; 37).

28. Коток В.Ф. Конституционные правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1964. № 1. С. 7–13.

29. Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой, В.А. Рянжина. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та. 1975. 388 с.

30. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7.

Bobrova Natalia A., Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation)

DO CONSTITUTIONAL AND STATE-LEGAL RELATIONS MAKE UP ONE OR TWO BRANCHES OF LAW?

Keywords: subject of constitutional law, power, politics, constitutional relations, meta-branch.

DOI: 10.17223/22253513/36/2

The article examines the existing views on the terminological correlation between the concepts of "constitutional" and "state" law, "constitutional" and "state-legal" relations. Some scholars believe that the science of constitutional law has not developed and defined the correlation between state-legal and constitutional relations, and, referring to O.E. Kutafin and V.O. Luchin, they consider them to be different legal relations, which make up the subject of not one, but two branches of law. The article proves that the thoughts of the quoted authors are taken out of the context, without specifying a concrete page; they are artificially adjusted to the "original" concept of crushing a single subject of regulation into two independent branches of law—constitutional and state one. The views of scientists on the correlation of state-legal and constitutional relations are classified in the article into three concepts. The classic concept involves the identity of subjects; the difference is only in the highlighted accents. There is an emphasis on distinct things within the classical concept: some people consider it to be more correct to name the branch constitutional law, others - state law, still others call the branch in a compromise way - constitutional (state) law. In general, the classical concept relies on the identity of the name of a single and indivisible branch.

The concept of constitutionalization is based on the idea of considering constitutional law as the basis, the nucleus, a kind of meta-branch of the entire national legal system, i.e., the branch designed to constitutionalize all branches of Russian law. Not all constitutional relations perform the function of meta-branch, but only basic ones in terms of their content and those that received "constitutional residence" according to their form. The subject of state-legal relations is broader than the subject of the constitution, so constitutional relations make up the part of state-legal relations that are developed beyond the constitution. A few constitutionalists who insist on the division of constitutional and state-legal relations into two separate branches represent the third concept, i.e. the one of splittings of a dual subject. According to this concept, constitutional and state law are two distinct branches and, respectively, two autonomous sciences: the first science is represented by constitutionalists, the second – by state experts. The article proves the inconclusiveness of all the arguments of those who support the division of the dual subject of state (constitutional) law into two independent branches; it substantiates the dual nature of constitutional (state) law. The desire of scientists to emphasize either the constitutional or the state beginning of this branch, and the desire to "separate inseparable" and break the single branch into two separate ones is explained by ideological or taste reasons.

References

1. Lungu, E.V. (2019) Constitutional legal relations in the constitutional law of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 34. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/34/8
2. Kutafin, O.E. (2001) *Predmet konstitutsionnogo prava* [The Subject of Constitutional Law]. Moscow: Yurist".
3. Osnovin, V.S. (1965) *Sovetskie gosudarstvenno-pravovye otnosheniya* [Soviet state-legal relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Bobrova, N.A. (2019) Peculiarities of the subject of constitutional law as a meta-branch. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 3–9. (In Russian).
5. Baglay, M.V. (2013) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Norma : Infra-M.

6. Voshchanov, P. (2017) *El'tsin kak navazhdenie. Otkroveniya politicheskogo prokhodimtsa* [Eltsin as an obsession. Revelations of a political crook]. Moscow: Agoritm.
7. Subochev, V.V. (2019) Political-legal manipulation as the basis for the governance of society in the era of post-truth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 34. pp. 29–42. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/34/3
8. Bobrova, N.A. (2017) Kriticheskaya i apologeticheskaya funktsii konstitutsionnogo prava [The critical and apologetic functions of constitutional law]. In: Avakyan, S.A. (ed.) *Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy* [Constitutional Law: Results of Development, Problems and Prospects]. Moscow: RG-Press. pp. 44–47.
9. Luchin, V.O. (1997) *Konstitutsionnye normy i pravootnosheniya* [Constitutional Norms and Legal Relations]. Moscow: Zakon i pravo: YuNITI.
10. Avakyan, V.O. (2018) Government relations: existence regularities, regulation and law enforcement subjectivism. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 5. pp. 3–9. (In Russian).
11. Bobrova, N.A. (2019) Konstitutsionnye pravootnosheniya [Constitutional legal relations]. In: Khachaturov, R.L. (ed.) *Pravootnosheniya v sovre-mennoy pravovoy real'nosti: traditsionnye podkhody i novye kontseptsii* [Legal Relations in the Modern Legal Reality: Traditional Approaches and New Concepts]. Moscow: Yurлитinform. pp. 63–89.
12. Bondar, N.S. (2013) Russian constitutional law in an axiological aspect: as a legal sector, a legal science and an educational discipline. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 3–10. (In Russian).
13. Kartashov, V.N. (2013) Innovational and traditional approaches to research of constitutional legal relationships. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 3–9. (In Russian).
14. Kozlova, E.I. (2009) K voprosu o predmete konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii: sovremennyy format diskussii [On the constitutional law of the Russian Federation: modern format of discussion]. In: Artemov, N.M. (ed.) *Gosudarstvo i pravo: vyzovy XXI veka (Kutafinskie chteniya)* [State and Law: Challenges of the XXI Century]. Moscow:ELIT. pp. 17–23.
15. Kondratieva, M.A. (2010) Legal and political regulation in constitutional law: some problems in relation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 5. pp. 6–9. (In Russian).
16. Romashov, R.A. (2011) Sootnoshenie ponyatiy “konstitutsionnoe pravo” i “gosudarstvennoe pravo” v kontekste pravovykh pozitsiy Zapada i Rossii [The correlation of the concepts “constitutional law” and “state law” in the legal positions of the West and Russia]. In: Kozlova, E.I. & Fadeev, V.I. (eds) *Aktual'nye problemy publichnogo prava v Germanii i Rossii* [Topical Problems of Public Law in Germany and Russia]. Moscow:ELIT. pp. 177–181.
17. Yugov, A.A. (2015) Konstitutsionnoe (kratologicheskoe) pravo Rossii kak pravo publichno-vlastnykh otnosheniy [Russian constitutional (cratological) law as the right of public-law matters]. In: Salikov, M.S. (ed.) *Problemy konstitutsionnogo i munitsipal'nogo prava* [Problems of Constitutional and Municipal Law]. Vol. 2. Ekaterinburg: Ural State Law Institute. pp. 4–20.
18. Alekseeva, A.S. (1897) *Russkoe gosudarstvennoe pravo: konspekt lektsiy* [Russian State Law: Lecture]. 4th ed. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh kn.
19. Gradovskiy, A.D. (1885) *Obshchee gosudarstvennoe pravo* [General State Law]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
20. Korkunov, N.M. (1892) *Russkoe gosudarstvennoe pravo: v 2 t.* [Russian State Law: in two vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Kn. mag. A.F. Tsinkerlinga b. Mel'e i K°.
21. Chicherin, V.N. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [State Science]. Vol. 1. Moscow: I.N. Kushnerev i K.

-
22. Kokoshkin, F.F. (1912) *Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on general state law]. 2nd ed. Moscow: Br. Bashmakovy.
  23. Gessen, V.M. (1917) *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Fundamentals of Constitutional Law]. Petrograd: Pravo.
  24. Orlando, V. (1907) *Printsipy konstitutsionnogo prava* [Principles of Constitutional Law]. Moscow: V.M. Sablin.
  25. Esmen, A. (1898) *Osnovnye nachala konstitutsionnogo prava* [Basic principles of constitutional law]. St. Petersburg: O.N. Popova.
  26. Lazarevsky, N.I. (1913) *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. 3rd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Pravo.
  27. Dyugi, L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional Law. General Theory of the State]. Moscow: I.D. Sytin.
  28. Kotok, V.F. (1964) Konstitutsionnye pravovye otnosheniya v sotsialisticheskikh stranakh [Constitutional legal relations in socialist countries]. *Pravovedenie*. 1. pp. 7–13.
  29. Rusinova, S.I. & Ryanzhin, V.A. (eds) (1975) *Sovetskoe konstitutsionnoe pravo* [Soviet Constitutional Law]. Leningrad: Leningrad State University.
  30. Avakyan, S.A. (2017) Principal tendencies of contemporary constitutional law development. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 3–7. (In Russian).